

25 ЯНВ. 39 6

346 МОЯ ТРУДОВАЯ КНИЖКА

С. МЕЖИНСКИЙ,
заслуженный артист РСФСР.

Читайте,
завидуйте
я — гражданин
Советского Союза.
В. В. МАЯКОВСКИЙ.

МЫСЛИВНО я повторяю эти прекрасные строки поэта, глядя на лежащую передо мной новенькую, еще пахнущую типографской краской Трудовую книжку — мой трудовой паспорт.

В воображении оживают годы, дни, оживает начало моего трудового пути, радостного и сложного пути актерского творчества...

Почти двадцать лет отделяют этот знаменательный момент подписания моей Трудовой книжки от моих первых, робких сценических шагов, от того первого дня, когда с бьющимся от волнения сердцем и пересохшим горлом я произносил первые реплики на сцене харьковского театра. Это было в великие дни гражданской войны...

Во главе театра стоял замечательный художник сцены Николай Николаевич Синельников.

Идет репетиция. Николай Николаевич репетирует, как всегда, сидя в соломенном плетеном кресле. На сцене холодно, и «старик» репетирует в пальто, галошах, меховой шалке и перчатках. Он зябнет, но, ни на одну секунду не прерывая работы, в двадцатый раз, добиваясь нужного результата, повторяет одно и то же место. Я жадно ловлю каждое слово, каждый жест, каждое указание моего первого учителя. И сегодня с любовью и благодарностью вспоминаю моего старого друга — народного артиста РСФСР Н. Н. Синельникова.

Я держу в руке Трудовую книжку и испытываю чувство огромного удовлетворения. Ее первые строчки писались мною в грозные и прекрасные дни пролетарской революции, в дни, когда в театр пришел новый зритель, до этого времени быть может никогда и не переступивший порога театра. Этот зритель приходил часто прямо с фабрик и заводов после работы. Он жадно смотрел и слушал все происходящее на сцене и, если свет неожиданно гас, а это случалось тогда очень часто, он долго и терпеливо дожидался продолжения представления хотя бы при свечах.

В партере сидел увешанный пулеметными лентами и гранатами легендарный «братиска». Он усердно хлопал в ладоши и охрипшим, на фронтах простуженным голосом долго вызывал актеров. Через час он уходил опять на фронт, чтобы быть может больше уже никогда не увидеть раздвигающийся занавес... Сколько раз потом его веселые леготочки мелькали по всем сценам нашей необятной родины... Сколько

раз потом нашего славного матроса, нашего любимого героя актеры показывали потрясенному зрителю, раскрывая на сцене его жизнь и борьбу...

Величественные и грозные дни революции!.. С вами связаны дни молодости, упорной учебы, трепетного освоения театральных тайн, первой рецензии в газете... В одной пьесе, играя слугу, я от волнения вместо фразы: «Вот вам перо и чернила» отчеканил на весь зрительный зал: «Вот вам черо и пернила» и утром об этом прочел в газете. Отчаянию не было конца, но утешил добрый Михаил Михайлович Тарханов, уверяя, что... только первые тридцать лет трудно на сцене...

Летели дни, заполненные одной мыслью о театре, о ролях. Жадно хотелось как можно больше узнать, большему научиться, больше и лучше сыграть. Ночью, засыпая в холодной артистической уборной, служившей одновременно и квартирой, укрывшись наполеоновской шинелью или боярской шубой, в сотый раз проверял сыгранную сегодня роль, еще и еще раз повторяя отдельные слова, отыскивая новые детали, закрепляя удачно найденное на сегодняшнем спектакле, снова и снова переживая отдельные сцены.

День встречал холодом заиндевших окон, остывшей «буржуйкой», привычным чувством голода и неуверенной страстью к театру, к сцене. Летели дни в лихорадочном и ревнивом ожидании новой роли, новой интересной работы. Лишения

переносились легко и не ввергали в уныние... И когда гасли огни театра, великолепный граф Меттерних, разгримировавшись, выходил из ворот театра в огромных валенках, вез ручные салазки, бодро шагая на окраину за клубным пайком, за куском драгоценного антрацита, ржавой селедкой, пшеном и «молочным» сахаром... Никакие деликатесы не смогут сравниться с этим пикантным ужином у раскаленной «буржуйки»!..

Ни плохая, вконец истоптанная обувь, ни расплывшийся костюм не портили настроения. В крайнем случае выручал гардероб театра. Актеры, несмотря на запрет, пегелоляли в поддевках из Островского. Если же нехватало какой-либо части туалета для роли, выручала дружба. У Бориса Петкера весь его театральный «гардероб» состоял из одной пары лаковых туфель-лодочек... И вот в спектакле «Коварство и любовь» коварный Вурм сидит за кулисами без обуви, поджав ноги, и ждет, пока легкомысленный фон-Кальб, кончив порхать по сцене, быстро снимет лодочки. Вурм тут же стремительно влезает в них и спешит на сцену. А господин фон-Кальб влезает в валенки...

В театр актеры приходили задолго до начала спектакля, принося с собой свои собственные гримировальные ящики, в которых тщательно и любовно были разложены грим, паклейки, растушевки, кисточки... Часами просиживали за гримом, меняя его по несколько раз, обклеивались до неузнаваемости, ревниво «засекречивая» грим друг от друга, открывая его только Николаю Николаевичу; и самой большой радо-

стью было, если «старик» не узнавал...

В этом молодом азарте соревнования было много любви и преданности своему делу, своей новой профессии, твердо избранной на всю жизнь.

Прошли годы. Давно отгремели канонады у самого Черного моря. Творческий огонь строительства охватил всю страну. Давно не стало «буржуйки» — далекой свидетельницы первых робких взлетов актерской фантазии. Заботу о первых шагах учебы и труда взяла в свои руки страна и, как любящая мать, окружила нашу молодежь вниманием и поддержкой, воспитывая достойных граждан и тружеников первого в мире трудового государства.

Почти двадцать лет я скреплял страницы моей Трудовой книжки. Я счастлив при мысли, что свою трудовую актерскую жизнь могу исчислять с незабываемых дней Великой Октябрьской социалистической революции, ибо и вся моя жизнь по существу начинается только с этих дней. Меня волнует и греет воспоминание, что, когда за городом еще слышна была канонада по отступающим белым сворам, в это самое время в артистической уборной переполненной рабочими и красноармейцами театра я в первый раз накладывал на лицо грим и неопытной рукой приклеивал усы...

И сегодня, заполняя Трудовую книжку, я испытываю законное чувство гордости. Этот день вызывает во мне прилив энергии и желание быть еще более полезным своему любимому театру, своей великой родине.